

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

НИКОЛАЙ ФОТЪЕВ

РАССКАЗ

О

БЛАСТНОЙ охотовед Учурин и его моторист Яшка Бурнашов добрались сюда на катере, проделав путь почти в пятьсот километров. У них была командировка — узнать-разузнать, как складывается в нынешнем году охотничья и заготовительная кампания. Плыли они вверх по Большой реке и навещали все те места и селения, которые их интересовали, встречались с егерями, заготовителями, охотниками. Теперь добирались до верхнего промхоза и попутно причалили сюда, чтобы навестить Василия, которого Учурин знал как хорошего охотника, но встречался с ним только на совещаниях.

— Видал, как живут?! — удивлялся и вроде как осуждал Яшка, когда они поднялись на стрелку выше устья Леи. — Вот это да-а!

Яшке почему-то всегда казалось, что люди, живущие в таких местах, обязательно с кулацкой завадкой, богатые и прижимистые. И на совести у них чего только нет. Тайга же кругом вон какая! И вся, считай, ихняя.

Стрелка напоминала угол древнего крепостного вала и виделась отсюда хорошо и вниз по реке, и вверх. Сама же Лапинская заимка стояла далеко от берега Большой реки. Место там было еще выше. Рядом выступал из лесу гладкий лысый бом, одна сторона которого смотрела на юг и на Лею, другая — в луга и на Большую реку.

— Вот это владения! — не унимался Яшка. — Куркули, однако? Скажи, Виктор Павлович!

— Поживем — увидим, — отвечал Учурин. — Ты давай-ка посмотри мотор. А то он у тебя что-то...

— Чихает, — согласился Яшка, — смесь богатая получается. Это мы запросто отлигу-ли-руем.

— Давай. А то, может, скоро плыть придется дальше. А я пойду разузнаю.

Моторист сбегал под берег к катеру, а Учурин, пройдя с полсотни шагов, остановился. Как широко и чисто было тут! Какая тишина царит! Только кузнечики стрекотали: их тут было множество.

С обеих сторон Леи, прятаясь в высоких берегах и густейшем тальнике, виднелись раздольные луга. Стоял июль. Травы на лугах цвели. Коричневатые разрывы плавно перемежались с желтоватыми, сизыми, густозелеными, а над ними висела легкая дымка. Чем дальше уходили луга, тем плотней и загадочней была эта сиренево-желтоватая пелена, должно быть, состоявшая из пыльцы растений и теплого дыхания земли. И было в этом что-то давнее, щемящее, родное и печальное слегка.

Забайкальское село, где прошли ранние годы Учурина, тоже вот так глядело в луговые просторы. В годы, когда происходило укрупнение хозяйств, родители писали ему: «У нас тут все сидят на чмо-данах. Укрупняемся... Жалко, сынок, уезжать отсюда. Привыкли. Да что поделаешь?..». Он звал их к себе, надеясь со временем расширить городскую квартиру. Но к нему в такую даль, да еще в город, они не поехали: «Где родились, там и сгодились». Так и умерли там.

Пройдя еще немного, Учурин увидел

старую тележную дорогу, по которой ездили не часто, но ходили, видать, каждый день. По середине ее тянулась как бы отдельная тропка, сильно натоптанная, взбитая почти до пыли. На ней заметны были собачьи и детские босоногие следы. Поняв, что дорога выходит на берег к Большой реке, Учурин пошел назад и вышел к причалу, метров на двести выше катера. Берег был тут сглажен и утоптан. На тяжелых чурках лежала плахаскамья. Над ней — легкий драконный навес, а чуть подальше стояла старая-престарая узловатая лиственница с обломанной вершиной и десятком разных отводков наверху. В стволе ее зияло большое, явно почищенное руками дупло.

Пройдясь берегом и замкнув круг, Учурин велел Яшке перебраться катер на причал, который они раньше не заметили, а сам ушел к заимке.

Он думал, на полдороге его обязательно встретят лапинские собаки, потякают, предупредят хозяев. Но собак не было. Из людей на заимке он тоже никого не встретил. Заглянул в огород, в сеники, в сарай — никого, кроме десятка овец, спасавшихся от жары под навесом, да кур, ходивших с раскрытыми клюзами.

— Эге-ге-ей! Хозяева!

Ответа не было. Тогда он взвошел на склон бома и стал оглядывать округу. Под горой, в кустах у Леи стояли две или три коровы и сколько-то телят. В отдалении, по ту сторону речки, где луг переходил в пологий склон, ровными рядками лежала кошенная. С одного края она уже высохла, побурела, а дальше цвет ее постепенно переходил в сероватый и серебристый. То есть на одном конце косили раньше, на другом — совсем недавно. Там в траве маячили две человеческие фигуры в белом. Учурин вспомнил о бинокле, висевшем на ремешке через плечо. Оптика приблизила косцов — старика и старушку.

Надо же! Такая жара, а они косят...

Ему бы осмотреться, и он увидел бы обходную тропинку к тому сенокосу. Но он поспешил и пошел напрямиком, перейдя Лею, где вброд, где по камням. В кустах и прибрежных кочках его облепили комары. А когда вышел на открытое, навалились оводы. Он наравал пучок травы и стал им отбиваться.

Учурин был высок, и трава доставала ему только до плеч, не мешая видеть косцов. Он шел прямо на них, продираясь сквозь заросли вейника, пырея, мятлики, куриного проса и прочей сеной травы, которая так бурно разрастается на местах бывших поселений. Однажды он запнулся о какую-то железку. Может, прежде тут стояла кузница или баня.

Пока он шел по траве, серо-желтоватый походный его костюм пропотел, усеялся травяной пылью и поблескивал волосинками паутинок. Было душно, а рой слепней и оводов, казалось, все разрастался и нагнет.

Косцы его заметили и то ли ради него, то ли пора пришла им отдохнуть, повесили литовки на кусток, который только что обкосили, и отошли на край коса под тень двух берез, росших из одного корня. На обоих были просторные белые капюшоны, прикрывавшие голову и плечи. И когда они сняли их и ими же стали опухиваться и вытирать лица, то

оказалось, что щеки у них не такие уж старческие, выпуклые, сильно напеченные солнцем, а головы совершенно белые. В этой тишине, в этом диком просторе вдалеке от многолюдья они показались Учурину чуть ли не святыми, сошедшими с небес. Но вместе с тем они были до боли близкими. А как они смотрели на него! Будто всю жизнь ждали. Или это ему так казалось? И, конечно же, он вспомнил своих умерших родителей. В душе его всплеснулось что-то вроде протеста и укора. Протест предназначался тем, кто обладал властью и полномочиями и довел жизнь до того, что многие, очень многие прежде жилые места и уголья заброшены. А укор... Укором были и эти старики, может, единственные на сотни верст вокруг. Укор был также и ему самому, и его поколению, что ли. Все это ощутил он мгновенно и не вдруг смог бы объяснить, что это.

— Бог в помощь! Здравствуй! — сказал он.

— Спасибо на добром слове! — слегка поклонилась старушка и, наверное, по давней женской привычке стала оправлять волосы и ситцевую, в горошек, кофточку.

— Здорово, здорово, парень! — отозвался в свою очередь старик. — Не боишься эдак по траве ходить? Так тебя за козла посчитать можно. Одежка рыженькая.

— Присаживайтесь с нами. Молочка пейте, — захопотала старушка, развязывая большой узел, из которого показался туесочек.

Учурин от молока отказался, но присел рядом с ними под березы. Назвал себя, сказал, что давно уж знает Василия Лапина. К нему и заехал вот — заплыл, то есть. А на заимке никого не встретил.

— Василий на лодке со своей оравой на Мутной ключ уехал сено ставить. Километров за двадцать отсюда. На зимовье.

Учурин понял: сено у зимовья нужно для лошадей. Василий не пешком ходит по зимнему путику — на лошади ездит.

— Да я вот говорю: одежка у тебя рыженькая... Люди тут по траве не ходят. Я, было, уж козла стрелять собрался. Берданка вон у меня заряженная.

По долгу службы Учурин всячески пресекал самовольный отстрел зверя, тем более летом. Даже в самых северных местах это считалось бы браконьерством. Конечно, для экспедиций, которые месяцами жили за сотни километров от каких-либо ларьков и магазинов, охотничье-промысловое управление выдавало лицензии и на летнее время. Но это разрешалось свыше, и начальники экспедиций загодя представляли заявки.

Не однажды докладывали Учурину, да и сам он знал, что на глухих дорогах и лесных сенокосах в летнюю пору постреливают косуль. Были штрафы, суды и прочие наказания, но везде за всеми не уследишь. Хозяйство у него — вся область. Почти четыреста тысяч квадратных километров. Кадровых работников на такую территорию до смешного мало. Больше приходится уповать на общественных инспекторов, которым для поощрения каждую осень приходится выдавать лицензии. Кое-кто, наверно, берет и лишнее. Только никто не скажет о себе, как вот этот старик. То ли он не расслышал, кто такой Учурин, то ли прикидывается, что закон не знает, то ли не придает им никакого значения. Одни, мол, мы тут на сто верст вокруг. У нас свои законы. А может, шутил старик, подраживал.

— А что, есть козлы-то?

— Как не быть. Оно ведь для них тут самые уголья. Тишина. Кругом трава вон какая! На всех вырубкахросло кустов, мелкокося, травы опять же. И улам хорошо, и крупному зверю. Все у нас есть тут. Приезжай в предимье. Сейчас-то, оно, конечно, запрятно.

Учурин усмехнулся и глянул на берданку, висевшую, как на гвозде, на сухом сучке на видном месте.

— Старинное оружие.

— Еще с партизанской. Больше висит, чем стреляет. Гильзы поржавленные. Стрельнешь, а их разрывает. Потом сколько выколачиваешь!..

— А все же берете с собой?

— Да для опаски больше. Веселее. А если ты за козлов боишься, дак оно как... Козлухи сейчас с маленькими, так просто не показываются. А козел-дурак и наскочит может. Уляна моя, вон, тоже стрелять умеет. Видит-то получше меня...

Будь этот человек не так стар, словоохотлив и откровенен, Учурин, может, пожурил бы его, а бердану, возможно, конфисковал бы. Но больно уж не вязалась с этой седоголовой четой мысль о браконьерстве. Белоголовые, сутуленькие, светлоглазые. Щеки у обоих — булочки, солнцем обожженные... Вообще они до удивления были похожи друг на друга и оттого, наверно, что прожили много лет вместе и — душа в душу.

— Здоровье у вас, видать, ничего еще? Косите.

— Какое там! — махнула рукой Уляна.

— Тюкаем, грызем, можно сказать. Бывало, по десятины за день выкашивали. А тут вон третий день кулигу одолеть не можем.

Учуурин хотел спросить: зачем же они косят? Кто неволит? Так ли уж это нужно на старости лет? Но старик опередил:

— Оно ведь всю жизнь работали. Привыкли. Да и интерес есть, вроде как план для себя... А здоровышнее... Доктор тут к нам заезжал. Сам выпить любит. А нас хвалит, что не пили никогда, алкоголя не употребляли. Потому, говорит, вы и в могиле еще, что алкоголь не поддался. Мы ведь с Ульяной староверы. Бывшие, правда.

— Да какие уж ноне староверы!? — махнула рукой Ульяна.

— А Василий?

— У его своя голова на плечах. Как все нонче, так и он. Икон не держит...

Из дальнейшего разговора Учурин узнал, что у Василия есть сенокосилка и конные грабли, что он косит старикам запрещает, но они его не слушаются. Тут самая хорошая трава, и от дому близко. А на косилке не разгонишься — неровностей много. А косить — самая пора, пока трава не застарела. Василий на ключе тоже вичную косит. Три собственных работника у него — жена да двое ребят уже пробуют косить. На ключе управятся и по ту сторону Лей косить начнут. Это уж конем, на косилке. Тяжело одним-то конем, хоть и сильный конь. Но если захват пускать поменьше, да с отдыхом, то и одним конем можно много накосить. Василий для этого и водилину приспособил. Нашел аккуратную такую вилагу березовую и вставил вместо водилыны. Вот вам и оглобли — рулить можно. Запрягай и погонай помаленьку.

Старики, видать, частенько сидели тут под березами. С теневой стороны лежала сенистая устилка, уже сильно примятая. Рядом торчал толстый колышек с капом на срезе и обушком-наковаленкой на нем: литовки отбивать-править.

— Мы об эту пору отдыхаем часика два-три. Когда и лень нападёт, поспим мы, выко, — сказал старик, позевывая.

— Ну, так вы уж отдохайте, — спохватился Учурин. — А Василия я там, на берегу подожду.

Старики запротестовали. «Что ты! Что ты!». Отдохнуть они успеют. А сейчас им поговорить бы надо. Людей-то свежих редко видеть приходится. Да и перекусить нелишне. Вот жара уже спадает, и аппетит должен появиться.

— Погостите, побеседуйте, не побрезгуйте.

— Да я ведь, наверно, и ночевать тут буду.

— А там уж вы с Василием про свои дела толковать будете. Мы-то, по-старинному, рано спать ложимся.

И опять они сидели, беседовали. Старик, как сказал он, прозывается Егорием Макаровичем. Ульяна и он — одногодки. Родом из других мест, конечно. Тоже в лесу жили, в староверческой деревне. Лет двадцать назад, когда здешний леспромхоз разехался, хотели они вернуться на прежнее место да пчелами заняться. Но подумали, подумали и остались. А чем тут плохо? Только не ленись. Стали от промхоза работать — ягоды и грибы запасать да охотничать помаленьку.

Места тут не то чтоб северные совсем, но холода наступают рано. Пришлось искать да испытывать всякие разные огородные сорта-семена. Приноровились. Картошка стала хорошо родить и овощи. Да и климат вроде помягше сделался.

Младшие дочери и сыновья по нынешней моде подались отсюда кто куда, а Василий — все тут. С малства. Младшие-то больше учились, а Василий только и походил, когда здесь школа была. Грамоты у него не так чтоб много. Может, потому и не уехал никуда. Грамотным-то ведь везде легко устроиться.

Женился Василий еще до армии, сразу после войны, когда еще леспромхоз был. В армии на связи служил и после так же пришлось: как раз линию провели через Усть-Лео. Коня разрешили держать. С тех пор так и держит. Двух уже сменил по старости. Теперь третьего завел.

Прежде на линии связи Василий работал вдвоем с соседом. Но сосед тоже смылся, дом бросил. Так Василий в этом помещении коня держит. Тяжело стало Василию прежний участок соблюдать. Хотел бросить и он эту работу. Но потом разбили участок на три отрезка. Посередке — Василий, а по концам другие связисты. Один с прииска, другой от леспромхоза. Так что Василию на связи сейчас работы немного. Места тут чистые, считай, лес не высокий, обрыва лишний почти не бывает. Разве столбы кое-где подправлять надо. Теперь Василий наполовину охотник, наполовину связист.

В первые годы в одиночку-то трудно жилилось. Со снабжением худо было, и скот грозились отобрать. Потом зимами машины по реке ходить стали, до магазинов проще стало добираться. Потом моторку завели, бензопилу. А тут и «Заря» по реке пошла. Летом каждый день ходит, сначала

вверх, потом — вниз. Почту «Заря» привозит, и буфет на ней имеется.

А лесу тут сколько взяли! Какой лес был! Красный, одно слово. Да разве здесь только? По всем рекам порубили. А сейчас лесорубы-то уже во-он куда забираются! И по Амуру, рассказывают, так же. И деревень там сколько развехалось — так же, как здесь!

— Может, я не шибко грамотный, да не все понимаю. В газетах пишут: каменные города строим. Цементу больше всех в мире у нас. Дак куда же лес-то идет?

— Говорят, бумагу из лесу-то делают, — подает голос Ульяна.

— Дак что же мы дураки такие? Японцы вон... Это ж сорок лет назад они тут у нас в плену-то работали. Дак сколько бумаги ихней было! Тонкая, крепкая. А из чего? Из рисовой соломы. Значит, уже тогда люди из соломы умели делать бумагу, а мы до сих пор не научимся — лес рубим. Вот и получается: дураки. Солома-то, она каждый год новая. Нынче взяли солому, а на будущий год ее опять столько же. И каждый год так. А лес?.. Ему же сто лет, само мало, расти надо! Зачем же мы так-то?!

— Да, с этим что-то делать надо, — соглашается Учурин.

— А деревни... Зачем деревни-то ликвидировать в кучу всех сгонять? Козлы — дураки и те понимают, что в куче пастись негоже. Лучше — по своим угодиям, где жить да плодиться можно.

Учуурин кивал согласно. Дескать, ты прав, старик. Но что я тебе сейчас отвечу утешительного? Сам задаю такие же вопросы.

— А может, в кучу-то для того сгонять, чтобы приказывать было легче? Чтобы сразу всем слышно было: «На-лево!». «На-право!». «Ать-два!»? Или как?

— У нас все может быть, — рассмеялся Учурин.

Помолчали. Старик подгреб под себя побольше сена и уселся поудобней, привалившись спиной к стволу березы.

— Правда, насчет скота теперь по-другому. Дак мы с Ульяной свою пятилетку ведем. Едем на «Заре» в ближний колхоз, покупаем там бычка и на попутной какой-нибудь барже возвращаемся. Зимой похолод за ним, а летом на здешних травах он у нас нагуливается куда с добром. В прошлом годе бычок хороший попал. Повели его сдавать, дак он четыре центнера вытнул.

Бычка сами же старики и на приемный пункт свели. Почти два дня затратили. Не спеша, с остановками, с кормежкой, с отдыхом в дороге, жалеючи скотину. Заодно водили и корову к племенному быку. Своего-то держать на две коровы начеистого.

Извершив небо, солнце катилось к закату. Жара понемногу спадала.

— Ну, мне пора, — сказал Учурин, — а то меня там человек на берегу заждался.

— Вот здесь надо идти, — указала Ульяна, — по траве-то легко ли!

— Да, трава у вас сильна!

— Жалко: много зазря пропадает...

РОПА забирала вверх по Лее, а там, где правобережный мысок подступал к речке, напротив боба был неширокий чистый брод. Тут Учурин постоял и огляделся. Травяные луга тянулись далеко и вверх по Лее. «Какие травы! Какие луга!...»

Он разулся, чтобы охладить горевшие в сапогах ноги, и ступив в воду, повременил брести, привыкая к воде. Ступни покалывало острыми камушками, в обнаженные икры тыкалась стайка мальков. Было приятно и щекотно.

На причале Яшка успел отладить мотор и вдосталь накупаться. А теперь загорал поверх спальника, который всегда возил на катере. Лежал Яшка и читал свежие газеты.

— Откуда газеты?

Яшка загадочно ухмылялся.

— Тут свое почтовое отделение, Виктор Павлович. Вон в дупле. «Заря» завозит и оставляет.

— Обязательно обратно положи.

— А как же! А пока и ты почитай, Виктор Павлович. Там еще что-то есть.

Еще в дупле оказались газета «Пионерская правда», журналы «Мурзилка», «Крокодил», «Охота и охотничье хозяйство» и несколько пачек чаю.

— Ну как они там живут? Ночевать будем? — спрашивал Яшка.

— Наверно.

— А может, у них бражка есть? А?

— Пасеки я не видел.

— А из сахара?

— Не знаю.

— А собаки злые?

— И собак не видел.

— Без собак в тайге?!

— На сенокосе они с Василием.

Яшка бурнашов почти в каждом таежном селении норовил «уважить» какой-нибудь свой интерес: «Мужики! Бражка есть?», «Медвежатина есть?», «Брусника есть?», «Бабы холостые есть?».

— Виктор Павлович, а баня у них есть? А потом бы бра-ажик!..

— Ну, Яшка! — хмыкнул, покачав головой, Учурин, просматривая журналы.

— А как же, Виктор Павлович! Жизнь свою ценить надо.

— Поросенок ты.

— Это отчего же?

— А вот от этого самого... Все жизнь свою ценишь.

— Опять воспитываешь? Давай-давай, — щурясь миролюбиво, ухмылялся Яшка.

Они часто вот так разговаривали. Послушать Яшку, так, кроме личного интереса, в жизни вроде бы и нет ничего. Однако всерьез эти рассуждения принимать нельзя. Просто он любит поболтать на такие темы. Да и холост еще: жизнь, так сказать, протупывает.

В прошлом Яшка курсы шоферов закончил. В армии тоже шоферил — ракеты возил. И вот уж который год в охотничье-промысловом управлении. И шофер, и «капитан» на катере. Предшественники его в этой должности подолгу не задерживались. Они, видите ли, думали: раз устроились сюда, то вся охота и вся рыбалка у них в руках. И дичинки всегда добыть можно, и мехов разных. А что на деле? Тот же Виктор Павлович сам не берет лишнего и другим не дает. Да еще всегда в командировки ездить надо... А Яшке нравится такая жизнь. Яшка задержался. Да и Виктор Павлович нравится Яшке. По возрасту старше, конечно, но человек простой, аккуратный и обязательный. И собой симпатичный мужик. В командировке в материальном смысле больше сам тратится, чем Яшка. Или все — пополам. А если ворчит, так беззлочно. И Яшке дает высказать свое мнение.

Учуурин тоже ценил Яшку. В какие только дебри не забирались они на «газике» да на катере! Другие «сидят», а Яшка, глядишь, проскочит и ухмыляется. Однажды зимой в самые морозы машина среди тайги полонилась. Руки к железу пристыкают, а Яшка посмеивается, подмигивает, на спине под машинной лозит. Отремонтничал — благо целый короб всяких железяк с собой возит. Конечно, и Учурин помогал — все время костер жег пожарче. Вот так они и сработались...

— Слышь, Виктор Павлович! Прильнь ухом к земле. Вроде мотор гудит.

— Василий плывет. Далеко слышно. Давай клади почту на место. Да поаккуратней. Солнце уже над горой стояло, когда сверху показалась лодка. Пока она шла прямо на причал, неясно было, много ли народу в ней, а как подошла ближе и стала разворачиваться, оказалось, что лодка дощатая, очень длинная, а в ней ребяташек — как горшков на прилавке.

— Да это же детдом какой-то, Виктор Павлович! И собаки тут же! Вот жизни!

Держась наветренную течь, лодка тихо причалила бортом, и сразу же на прилизанную волнами песчаную полосу посыпались ребяташки. У всех в руках были то узелки, то пусидки, то пучки какой-то травы, то ветки с ягодами. Один малец, схватив за колючую тяжелую цепь, лежавшую горкой на носу лодки, проворно потянул ее к обрыву берега, с которого свисала ржавая петля троса, и быстро закрепил лодку. Другой принял от матери маленькую сестренку и, лопоча что-то на ходу, почти бегом вынес ее на берег под лиственницу. Девочка, нетвердо стоявшая на ножках, при виде чужих как бы оцепенела от любопытства, а потом стала оглядываться на старших и указывать пальчиком. Дескать, смотрите: новые люди!

Учуурин, присев на корточки и стараясь говорить негромко и ласково, спрашивал, как зовут такую хорошую девочку, и удивлялся, что и такие маленькие ездят на сенокос. Да еще по реке.

— Она у нас под марлечкой сидела. В положочке, в холодочке. Ни мухи, ни комары не могли ее взять, — сказала мать, подходя к девочке и опять беря ее на руки.

— Ага! Не могли! А вчера урелась, — возразил парнишка, извлекавший из дупла почту и чай.

— Вчера не успели устроить. Туча зашла, а тут сено в валках лежит... Поревела маленько. Как же без этого? Да она у нас молодец! Терпеливенькая.

Поигрывая девочкой, как куклой, женщина ушла к заимке. Вслед за ней, поддерживая штанишки, в карманах которых побрякивали камешки, засеменял малец лет пяти. На ходу он обернулся и крикнул:

— Чилёжа-а! Догоня-йй!

«Чилёжа» и остальные ребята помогали Василию выносить на берег грабли, вилы и березовые, гладко обработанные жердинки, должно быть, предназначенные на оглобли и черенки. Последним поднялся к лиственнице сам Василий.

— С приездом вас, Виктор Павлович! И вас! — здороваясь по ручке, сказал Василий. — Давно приехали?

— С обеда почти загораем, — с ленцой ответил Яшка.

— Загорать тут хорошо. Река. А у нас, вишь, самая страда.

— Это все ваши?! — кивая на ребят, спросил Учурин.

— Да нет, не все. Трое, тех вон, рыженьких — товарищи по интернату. На лето приехали. Моих тут... четверо. Да двое домой отправились.

— Как вы с ними управляетесь?!

— Когда как. Всяко приходится. Да они, вон, и сами уже управляются. Мужики! Рыбачат. Сено ставить помогают. И по хозяйству.

Василий опустил на землю, привалившись спиной к лиственнице. Видно было: наработался. Ребята, было, уселись тут же — любопытство их одолевало. Но Василий послал их домой.

— Дуйте, ребята. Матери помогите. Баню протопить надо. А ты, Пётра, — сказал он парнишке лет четырнадцати, — Рыжку найди да пригони. Завтра в косилку пойдет.

Когда ребята отвалили, Василий, закуривая из Яшкиной пачки «беломорину», пояснил свои распоряжения:

— Мошкеры на ключе много. И ведь в самые тесные места лезет, зараза! Наела, понимаешь. Тело горит. Вот баня и требуется всякий раз. А на коне тут, по эту сторону косить пора. Боюсь, перестоят трава.

— Великие травы у вас! — повел рукой Учурин.

— Трав тут на колхоз хватит. И вверх по реке таких мест сколько угодно, и — вниз.

Учуурин сидел на плахе, Яшка — на спальнике, а Василий как привалился к лиственнице, так и не отрывался. Он был в клетчатой широкой рубашке навыпуск, серых простеньких брюках и кирзовых, сильно потертых и налощенных травой сапогах. Сидел, опустив руки ладонями вниз, к земле. Из-под серой кепочки воробыным крылышком свисал коротко стриженный чуб. Выгоревшие брови, как два колоска, чутко ломались в переносье, делая Василия несколько хмурым и набыченным. Серые глаза посверкивали спокойно и остро.

Учуурин советовал Василию оставить связь и перейти целиком на охоту. Зачем распыляться? У серьезного охотника и без того дел и забот предостаточно. И зимовья надо подготовить, и ловушки «разбросать» не где попало, а где надо, и путики проложить по уму, и сено для коня поставить там же, на путиках, и запасы всякие успеть сделать.

— Да я и так, считай, на общественных началах гляжу за линией. Временами. Попутно. А вообще-то, конечно. За двумя зайцами не угонишься.

Они говорили о делах: где какие кормовики имеются, где какой зверь держится, сколько надо Василию новых капканов, боеприпасу и другого снаряжения. А Яшка, пошуриваясь, слушал.

Хорошо в эту пору было на берегу. Жара сошла. С реки дул ветерок и отбивал комаров и мошек. Пахло нагретыми за день отмеями, травами, хвоей. Где-то в лугах баявал козел. А Василий так покойно, по-хозяйски сидел под лиственницей, что все вокруг наполнялось каким-то особенным смыслом.

Учуурин вспомнил о стариках.

— Ваши старички косят еще... И берданка с ними.

Василий гмыкнул.

— Ничего сделать не могу. Косят помаленьку. Опять бычка решили купить. И берданку не могу запретить, Виктор Павлович. Суди — не суди. Не браконьеры ведь...

— А пришлые люди не шарятся тут?

— Не слышно было. Далеко ведь от жилых мест. Правда, геологи ходили как-то. Жаловались: трава густая и высокая — ходить трудно.

Учуурин опять подвинулся. Какие травы! Какое богатство! Дармовое сырье для мясного и молочного дела! А зря пропадает.

— Писал я в район об этом. Мест, таких же, как у нас тут, по реке много, мол. Пригоняли бы скот на лето. Дармовое мясо, считай, было бы.

Из района Василию был ответ: дескать, вопрос вы ставите правильно, по-хозяйски. Однако это слишком далеко от жилых мест. Не всякий пастух, особенно молодой, согласится жить там. Да и другие хозяйства обходятся пока своими угодиями...

— Может, вы, Виктор Павлович, в области поставите вопрос? Ведь она, трава-то, как я уже говорил, не только здесь пропадает. Завозили бы молодняк на баржах. Пасли бы. От БАМа, сказать, могли бы подсобные хозяйства завести. Там все заново осваивать да приспособляться надо, а тут готовое добро гибнет.

Учуурин обещал поговорить где надо. Среди руководящих аграрников были у него и хорошо знакомые люди. Один из них даже диссертацию готовил насчет освоения угодий, прилегающих к БАМу.

Еще они посидели за разговором неторопливым. Солнце кануло за синий, зубчатый от леса перевал. Над Леей лохматым драконом простерся туман. Над Большой рекой и в лугах тоже завязались куртинки тумана. По-прежнему взрывался где-то козел, а издали, со стороны скалистых южных отрогов, отзывался другой — очень басовитый и хриплый. Старик, наверно, Козлы, хозяева здешних мест, наверно, чуяли пришлых людей.

Когда уж начали подступать сумерки, со стороны заимки послышался топоток, и звонкий ребячий голос доложил, что баня истоплена и ждет мужиков.